

Леонид Савельев

ШИЗИК

Лауреаты
национальной
литературной премии
«Писатель года»

Леонид Савельев — лауреат национальной литературной премии «Писатель года 2013» в номинации «Дебют».

Его дебют оказался настолько удачным (на портале Проза.ру автор публикует свои произведения с ноября 2013 года), что жюри сочло его творчество лучшим в номинации и удостоило первой премии. И хотя автор на своей страничке на сайте скромно информирует «Пописываю рассказы. Здесь черновики!», в его произведениях удивительно правдиво и точно подсвечены мозаичные фрагменты нашей сегодняшней жизни. А в образах героев с их словами, мыслями и поступками читателю будет легко узнать себя, своего знакомого, друга или недруга...

Как хороший актер своим монологом «держит» зал, так и линии сюжетов рассказов Леонида Савельева ведут и не отпускают до самого конца — как правило, неожиданного или неоднозначного. И дочитав до точки, хочется еще долго размышлять над прочитанным...

Леонид Савельев

Шизик

Настоящая жизнь

— Давыдочкина! Ты хорошо подумала? — начальник смотрел строго из-под очков.

— Я вообще не думала, Иван Сергеевич. И уходить мне в другое место некуда. Но и здесь, пока я у вас работаю за те копейки, что хватает только на еду и оплату квартиры, я трачу по 10–12 часов. И пока работаю, уж точно себе ничего не найду. Ухожу я, — Катя смотрела с прищуром. С вызовом смотрела.

Иван Сергеевич завозился в кресле. Засопел. Начал тереть свою переносицу. Снял очки, достал из очешника тряпочку и начал старательно протирать линзы. Очки ему шли. В них он выглядел солиднее и интеллигентнее. Начальник был уже немолод, было видно, что прожито уже полвека. Но морщины ему даже шли. И он был до сих пор симпатичен. С волевым лицом. Крупный подбородок, большие, умные глаза.

— Катя, сейчас вообще трудно с работой... Это только по официальной статистике безработица 1 %... Ты подумай всё же.

— Хорошо... Всё, я подумала.

— И-и-и?

— Подписывайте заявление. И очень обяжете, если без «отстоя».

— Мне нечем тебя заменить, придётся две недели отработать. Тогда получишь всё по закону.

— Иван Сергеевич! Давайте так... Я сейчас передаю все дела по-честному Ольге Николаевне, и вы меня рассчитываете, как вы говорите, по закону. Если нет, то я отсижу две недели, но так запутаю все свои «хвосты» и дела, что всю базу клиентскую мою потеряете.

Начальник пристально смотрел на Катю. Без очков он выглядел как-то непривычно и незащищённо. Видно, поняв, что выглядит не так, он торопливо нацепил очки. Наморщил лоб. Взял свою дорогую ручку и, молча подписав заявление, развернулся в кресле к окну. Катя взяла подписанное заявление. Держа его в руках, задумчиво смотрела в спину начальника.

— Спасибо, Иван Сергеевич.

Начальник молчал, отвернувшись к окну. Катя встала и вышла из кабинета.

— А может ты поторопилась, Катя? — Ольга Николаевна смотрела на неё с сожалением.

Катя была обаятельна. Нельзя сказать, что она была красива. Полновата. Большая грудь, но и попа немаленькая. Ноги короткие, но худые, тело длинное, но с животиком. Стрижка модная, но

неаккуратная. Лицо чуть полновато, но очень миловидно. Стоило ей начать говорить, и окружающие переставали видеть её недостатки. Её улыбка, не сходящая с лица, была обворожительна. Мимика — восхитительна. Движения грациозны и сексуальны. А голос? Как клиенты велись на её голос, на её остроумные шутки и всегда хорошее настроение!

Ольга Николаевна была дружна с Катей, хотя их разделяли двадцать пять лет жизни, прожитой Ольгой, когда Кати ещё не было.

— Может, и поторопилась, — Катя не улыбалась, как обычно, а выглядела уставшей и измученной. — Ладно, давайте, я вам буду сдаваться, — сказала со вздохом, включая свой компьютер.

Выйдя из офиса, Давыдочкина села в свою машину и задумалась. Ещё утром ничего не предвещало её ухода. Сработал какой-то механизм. Щёлк. И пришло решение. Её угнетала та жизнь, которую она вела. Хотелось чего-то большего. Быт затянул. Каждый день одно и то же. Муж часто начал раздражать. С сыном не было понимания. С матерью совсем сложно, как с маленьким ребёнком. Надоело всё. Хотелось всё поменять.

Но нужно как-то сказать и маме, и Артёму. Возможно, и сыну Мише придётся сказать. Завела машину, включила кондиционер. Достала из сумки

телефон и долго смотрела на него. С кого начать?

— Тёма, привет!

— Привет, Катён! Ты, на работе ещё, судя по времени.

— Нет. Уже в машину села.

— Да ты что?! В начале седьмого?! Что-то случилось?

Артём после защиты диссертации проработал два года в институте преподавателем. Но в науке сейчас денег не зарабатываешь, и он теперь занимался отделкой квартир, работая в частной бригаде плечом к плечу с азербайджанцами и украинцами.

— Я уволилась, Тёма...

— ...Совсем?

— Угу.

— Что-то случилось?

— Нет, просто решила так и всё.

— Ну, решила и решила... Проживём. Переживём.

— Надеюсь... Думаю, найду себе другую работу.

— Думаешь, другая будет лучше?... Ну, да ладно... Я тогда пораньше сегодня домой приду, раз ты дома будешь.

— Нет, я прогуляюсь пару часиков, подумать нужно.

— Ладно... Дома тогда поговорим. Я тогда ламинат тут доложу и приеду. Увидимся... И,

Кать...

— Что?

— Не расстраивайся, всё хорошо будет.

— Ладно... До встречи, Тём.

Достав влажные салфетки, она тщательно протёрла пластик приборной панели и дверей. Повернулась к заднему сиденью, достала пакет с кедами. Открыла дверь. Сняла туфли на высоком каблуке. Завязала на ногах кеды. Поставив коробку передач на «Drive», медленно тронулась с парковки. Мысли текли медленно, но начало приходить понимание, что остался ещё и кредит на эту машину. Нервозность. Наверное, она поторопилась. Зачем она уволилась? Прав был Сергеич...

За ходом мыслей она и не заметила, как уже приблизилась к дому и была уже всего в паре кварталов. Дома сейчас мама с Мишкой. Она не готова им сейчас сказать... Двигаясь в пробке, она смотрела по сторонам. Обычно она смотрит только на дорогу и не видит, как меняется город. А сейчас, глядя по сторонам, в квартале от дома она увидела новое кафе. Решение пришло сразу.

Припарковавшись на стоянке у дома, она переобулась обратно в туфли. Откинув козырёк с зеркалом над лобовым стеклом, подкрасилась, — привела себя в порядок. И захлопнув дверь, пикнув сигнализацией, отправилась в направлении

увиденного ею кафе.

Идя по улице и стуча каблуками, она чувствовала, как проходящие мужчины оборачиваются ей вслед. Настроение улучшалось. Подумав, зашла в магазин, что был рядом с входом в кафе... Подошла к кассе.

— А сигарет вы не продаёте?

— Девушка, закон вышел. Продаём всё, как и раньше, только не выставляем. Вам какие?

Выйдя из магазина и открыв пачку, закурила. Последний раз она курила года три назад. Голова закружилась, ноги стали ватными. Захотелось присесть. Не присела. Уверенной походкой, слегка качнувшись, подошла к двери кафе и, толкнув её, сделала шаг внутрь.

* * *

Я знала уже ВСЁ! Знала сразу! Глаза смотрели вниз, но я не смогла определить момент, когда ноги стали одетыми в джинсы и обутыми в другие туфли — дорогие, с открытыми мысами. Не уловила, как это произошло. Но понимание пришло СРАЗУ. Я всё знала, но хотелось увидеть. Быстро пошла через зал ресторана по направлению к уборной. Шла, улыбалась, слегка сощутив глаза, про себя вспоминая слова песни: «Покурила то, что не курила никогда».

— Здравствуйте, Екатерина Романовна! — стоящий у стойки управляющий был молодым, рослым красавцем-брюнетом, похожим на итальянца.

— Привет, Серёж, — мельком взглянув на него. В голове ещё шумело от выкуренной сигареты.

Зайдя в уборную, я встала перед зеркалом во весь рост. Да. Я знала, что я так и должна выглядеть! Худая. Стройная. Никакой толстой задницы. Никакой обвисшей груди. Лицо молоденькое. Холёная-то какая! Ножки, конечно, той же длины, но без толстой попы и на высоком каблуке, казалось, они стали расти от ушей. Я взвизгнула! Я была влюблена в себя! Белая лёгкая маечка от «D amp;G», золотая «Pandora» с подвесками на руке, безупречная стрижка, безукоризненный маникюр, педикюр и косметика на лице. Я — красотка! Стояла, смотрела на себя и думала, что могло перенести меня в МОЮ реальную, настоящую жизнь? Возможно, правда, здесь как-то замешана сигарета? Возможно, она дала мне толчок в жизнь НАСТОЯЩУЮ?... Скорее всего, совпало несколько факторов: сигарета, ресторан, в который я стремилась, МОЁ ЖЕЛАНИЕ из той жизни попасть в жизнь НАСТОЯЩУЮ.

Выйдя из туалета, я направилась за стойку бара к лифту.

— Здравствуйте, Екатерина Романовна, — в один голос поздоровались две официантки.

— Привет, девчонки. Как день сегодня?

— Пока посетителей мало, но вы же знаете, часам к девяти все подтягиваются.

— Ладно, я к себе... Серёёёж!

— Да, Екатерина Романовна! — Сергей выбежал ко мне.

— Отчёты мне принеси в кабинет. А ты, Светик, кофе сделай, как люблю, с корицей, и поживее, пожалуйста.

Я поднялась на лифте на второй этаж. Выйдя из лифта, увидела, как Сашка вскочил на ресепшн.

— Как дела, Саш?

— Отель полный, Екатерина Романовна. Остался только полулюкс один.

— Ладно, работай... Ты чего небритый? Работу не боишься потерять?

Саша побледнел, провел рукой по дневной щетине.

— Дак модно так, Екатерина Романовна. Я думал, мне идёт.

— Не надо думать, Саша, тебе это не идёт. Я имею в виду думать... Я не люблю небритых мужчин. Чтобы через полчаса был гладко выбрит.

— Да, конечно, Екатерина Романовна.

Я зашла к себе в кабинет и упала в мягкое кожаное кресло. Скинув туфли, закинула ноги на

стол и откинула назад голову. Я улыбалась. В дверь постучала и вошла Света с чашкой кофе.

— Капучино.

Я молчала. Света поставила кофе на стол и вышла. Сидела, не шевелясь, глядя в потолок. Дверь открылась, зашёл Сергей. Защёлкнул замок за собой. Положил папку с бумагами ко мне на стол и, подойдя, покорно встал на колени. Я знала, что он будет делать. Он поцеловал меня в стопы. Меня передёрнуло. Передёрнуло от себя самой. Я резко убрала ноги со стола и засунула ноги в туфли. Сергей, стоя на коленях, несколько изумлённо посмотрев на меня, протянул руки к моей талии, пытаясь расстегнуть джинсы. Я резко оттолкнула его.

— Не сегодня, Серёж. Иди, работай.

— Что-то случилось? — Сергей был обескуражен.

— Ничего не случилось. Встань с колен, пожалуйста, немедленно!

— Екатерина Романовна... Я что-то не так делаю? Вы скажите...

— Всё! Хватит! Всё так, Серёж! Иди, пожалуйста, работай, — меня уже трясло.

Сергей встал. Выглядел он пришиблено. Пятясь задом, отошёл к двери, открыл и медленно вышел.

Кошмар! И это — я? И это моя жизнь? И это

мне нравится??? Я скинула туфли и заходила по кабинету из угла в угол. Постепенно начали наворачиваться слёзы. Где моя жизнь? Где моё счастье? Где мой Мишенька? Я одна! Я просто использую мужчин за свои деньги! У меня нет детей! Я маму свою отправила за границу жить и не видела пять лет. Я даже не звоню ей! Где мой Тёмочка?! Меня всю трясло. Подойдя к зеркалу, я с омерзением посмотрела на себя. Было противно! Было мерзко! Начало тошнить. Мой вид мне был омерзителен. Моё тело мне было противно! Моя одежда, маникюр, стрижка, отель, ресторан — МНЕ ВСЁ ЭТО БЫЛО ОМЕРЗИТЕЛЬНО!!! Я была сама себе просто невыносимо противна. Я ударила кулаком в зеркало.

Распахнув дверь кабинета, я побежала к лифту.

— Я побрился, Екатерина Романовна! Что-то случилось? — Саша удивлённо смотрел на меня из-за стойки.

— Ну и дурак, Саша, раз побрился! Нравится тебе? Так какого хрена брился?! — я нервно нажимала кнопку лифта.

— Так вы же сами сказали... С вами всё в порядке? Вы босиком.

— Мало ли что я сказала, Саша? — я всхлипнула. Двери лифта открылись.

Вскочив в лифт, я начала стучать по кнопке

первого этажа. Двери закрылись. Я прислонилась спиной к стене лифта. Меня трясло.

* * *

Когда я выбежала на улицу, шёл дождь. Я стояла и смотрела на свой шикарный отель с рестораном и ревела в голос. Редкие прохожие смотрели на меня с испугом из-под своих зонтов.

Как? Как мне выбраться из этого дерьма? Как мне вернуться к моему сыночку и моей семье? Из дверей ресторана вышли Света и Сергей, с удивлением глядя на меня. Подняв голову, я увидела магазин рядом со своим отелем. Не раздумывая, я побежала туда. Парень с девушкой мне что-то кричали, но я не слышала их.

— Девушка, дайте мне сигарет! — девушка на кассе с удивлением смотрела на меня.

— У меня нет сейчас с собой денег! Я отдам вам! Я — хозяйка отеля, что рядом с вами! Дайте мне быстрее сигареты!!!

— Я знаю... Держите, — девушка, ошарашено смотря на меня, протянула пачку.

— Спасибо! Спасибо, девушка... Дайте ещё и зажигалку! — убирая с лица мокрые волосы и открывая пачку дрожащими руками, вскричала я.

Я прикурила тут же, у кассы. Девушка и многочисленные посетители молча смотрели на

меня.

Голова закружилась. Ноги стали ватными. Я вышла на улицу, глядя себе под ноги. Ноги в рваных колготках были слегка полноватыми и без джинсов. Я начала глупо улыбаться. Подняв голову, я посмотрела в сторону отеля. Там было недорогое кафе с жилыми этажами над ними. Меня начал сотрясать демонический смех.

Мокрая. Босиком. В рваных колготках. С мокрой головой и в мокром платье, я неслась по лужам и демонически хохотала. Прохожие были уверены в моей неменяемости. Я бежала к своей любимой семье. Я была счастлива!!! Это и была моя НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ!!! И другой мне не нужно.

Лето

Лето. Всегда ожидание лета... Наступило. Зимой не живёшь — переживаешь... Как медведь. Как русский медведь.

Саша... Имя Саша — двуполое. И женское, и мужское. Саша заболела. Илья наслаждался тем временем, тем летом, что ему дарит жизнь. Но было что-то не то. Он не мог понять, что не так.

Выйдя на улицу, он вдохнул воздух. Хорошо. Но что-то не так. Что? Непонятно. С Сашей он общался только по интернету. Он её не знал. Не

знал совсем. Илья писал рассказы, а Саша была его издателем. Она жила в другой стране. Она была ему незнакома.

В какое-то время Илья узнал. Узнал, что написанное им материализуется... Илья боялся писать. Ему было страшно, что всё, что он пишет, воплощается потом в жизнь. «Это шизофрения», — думал Илья. Но было так. Он думал о Саше. Сашу он не знал, он даже не знал, как она выглядит. Странно. Общались. Очень странно. Но так есть.

Илья сел в машину, открыв все двери, чтобы, несмотря на жаркий воздух, хоть как-то проветрить. Завёл. Включил климат-контроль на «Lo». Непокойно. Почему? Саша! Она болеет. И от этого беспокойно. Саша...

— Можно уже садиться, милый? — спросила жена.

— Можно, конечно, давно уже остыл салон, — задумчиво сказал Илья, закрывая двери с закрытыми стёклами.

Забота. «Нужно попробовать!» — решил Илья. Попробовать написать рассказ. Возможно, это ей поможет. И она выздоровеет!

— Я тебя в машине подожду, Светик, — сказал он жене.

Достав ноутбук, он начал набрасывать рассказ. Жены не было долго. В машине что-то щёлкнуло, и из рефлекторов пошёл тёплый воздух.

Видимо, сломался компрессор кондиционера в климат-контроле. Илья выключил двигатель, открыл дверь и досадно сплюнул на землю.

Закрыв ноутбук с недописанным рассказом, он вышел из машины. Закурил. Жарко. Нужно пойти найти Свету.

Света стояла с тележкой на кассе. Илья почувствовал неудобство, что не помог ей. Жену он любил, вместе были уже почти двадцать лет.

— Знаешь, Илья... Меня задолбало твоё писательство!!! — неожиданно зло и агрессивно сказала жена. Илья удивлённо захлопал глазами. Они стояли у кассы, кругом были незнакомые люди.

— Ты чего, Свет? Что случилось-то?

— Илья! Деньги! Деньги случились! Твоё писательство не приносит денег! Я не могу тянуть на себе всё хозяйство!

Илья озадаченно смотрел на жену. Вроде и жена, а что-то поменялось. Мимика. Что-то неуловимое, но перед ним стояла явно другая женщина.

Подвезя тележку и открыв багажник, он стал выгружать покупки. Искоса посматривал на стоящую рядом жену. Жена задумчиво смотрела в сторону. Она была в розовом коротком платье и босоножках на высоком каблуке. Её длинные волосы, расчесанные на прямой пробор,

развевались на ветру. Очень красива.

— У нас кондей в машине сломался, Светик, — непринуждённо сказал Илья. Он открыл окна и начал медленно выезжать с парковки. Потянулся рукой, пытаясь взять её за коленку. Света всегда поворачивала к нему свои ноги.

— Илья! Ты что, не видишь? Не переделывай мир! Кондей у него сломался! Не трогай меня! — оттолкнув руку, уставилась в боковое окно.

Выйдя из душа, он увидел, что жена, открыв его ноутбук, читает недописанный рассказ.

— Нравится? — он всегда читал ей свои рассказы, и она всегда с удовольствием их слушала.

— Скотина! — тихо и спокойно сказала Света.

— Что, прости? — чего-чего, а такой реакции Илья не ожидал.

— Я ухожу от тебя! Ухожу сейчас же! Квартиру будем менять по суду! Скотина! Бабник! Что за Саша? Скотина!!! — Света кричала, глаза её были красные.

* * *

Открыв глаза, Илья отчётливо осознал, что Саша здорова. Болезнь отступила. Илья улыбался: «Помог, выходит...»

Он сел дописывать рассказ сразу после

вчерашнего скандала. Он не видел такой Свету ни разу в жизни. Это была совсем другая, истеричная женщина. Зайдя на кухню и начав жарить себе яичницу, смотрел, как слегка потрясываются руки. Нервы. Вдруг лучезарно улыбнулся. Он напишет другой рассказ. Совсем другой рассказ. Рассказ о своей семье, и Светка вернётся! Улыбался...

Подойдя к окну, не заметил, как в коридоре выключился свет. Через пару секунд погасла конфорка, на которой стояла сковорода с яичницей. Газ просто кончился...

Илья стоял и, глядя в окно, улыбался... Рассказ начал рождаться в его голове.

Предчувствие

Шкурин скучал. Сидя в машине, он смотрел, как капли дождя текут по лобовому стеклу. Мимо ходили унылые прохожие, закрываясь зонтами. Дождь был не сильный — моросил. Сергей ждал своего шефа. Зевал. Хотелось есть. Напротив было кафе. Но уходить с поста было нельзя — это во-первых, и кафе наверняка дорогое — это во-вторых. Неожиданно подступило волнение. Необоснованное волнение. Сергей достал сигарету и, поморщившись, вышел из машины, закурил. Шеф запрещал курить в машине — сам не курил и не выносил запаха табака. Закурил, взяв сигарету в

кулак. Холодные капли воды били по голове и, пробивая рубашку, охлаждали тело.

Сделав пару затяжек, он понял, что его волнует. Он ощущал, что сейчас должно произойти что-то важное. Очень важное в его жизни. Что? Что может произойти на этой улице, где и людей, и машин-то мало?

* * *

— Килограмм помидоров, — сказала я в окно палатки.

Как неприятно, когда промокнут ноги! Было ощущение, что туфли полные воды. Мокрые колготки неприятно прилипали к ногам. «Лучше быть мокрой сверху, чем мокрой ногами», — подумала я, забирая пакет с помидорами и придерживая плечом и подбородком зонт. Как мне хотелось домой. Завернуться в тёплое одеяло, взять книжку и лечь на диван. Нет, перед этим я сделаю себе салат. Просто помидоры с луком и сметаной. И сварю молодой картошки.

Подняв глаза, я увидела, что прохожу мимо роскошной машины, рядом с которой стоит мужчина средних лет, одетый в брюки, строгие чёрные ботинки и светлую рубашку со стильным галстуком. Брюнет. Симпатичен. Курит.

— Подскажите, а я вас жду? — несколько

растерянно обратился он ко мне.

Меня это не обескуражило. Я знала, что я красива, меня часто «клеили» на улице.

— Да.

Он молча смотрел на меня. Не отрывая от меня глаз, обошёл машину и открыл пассажирскую дверь. «Не знаю, на фига я это делаю, но он, похоже, безобиден, а ноги у меня совсем мокрые», — подумала я. Отдав ему пакет с зонтом, села на кожаное сиденье.

— Куда вас везти? — захлопнув дверь и сев за руль, он как-то очень преданно взглянул на меня.

Я назвала адрес и отвернулась к окну, чтобы скрыть усмешку.

— Скажите... А это правда, я ВАС ждал? — спросил робким голосом.

— Конечно.

— А вы знали, что я буду здесь стоять у машины?

«Похоже, он полный придурок, зря я села», — мне становилось немного не по себе.

— А вы сомневаетесь?

— Нет.

Молчали. Дождь прекратился.

— Ну, вот и славно. Мой дом тут, за поворотом... Можете остановиться, приехали, — он внушал мне просто ужас.

Сергей был уверен, что эта девушка — его судьба. Он сопоставил сразу все факты. Волнение. Предчувствие. Сидя в машине почти час, он почувствовал волнение и вышел ровно в тот момент, когда появилась ОНА! Это судьба! И она такая стройная, с длинными ровными ногами, в строгом деловом костюме, волосы каштановые. А лицо. Глаза. Губы. О такой девушке он и не мечтал. Но больше всего в том, что всё непросто, его убедил разговор с девушкой. Разговор... Если это, конечно, можно назвать разговором. Но как она знала? Да, она наверняка знала! Она так уверенно, с лёгкой улыбкой сказала: «Конечно». Голос. Какой у неё голос! Она утвердила его предположение, что она — его судьба, и простых совпадений не бывает.

— Ну, вот и славно. Мой дом тут, за поворотом... Можете остановиться, приехали, — сказала с такой очаровательно-сексуальной улыбкой, что у Шкурина пошли мурашки по телу.

— Да, да, конечно... Только скажите, как вас зовут. Я же должен знать, как зовут мою судьбу... Ведь вы же — моя судьба? — Сергей припарковался и с надеждой смотрел в её глаза.

— Конечно... Конечно, — я ваша судьба, вы же сами всё знаете. Зовут меня Снежана... Я пойду? — говорила всё с той же улыбкой.

— Когда я вас увижу? — схватив её за руку, заглянул в глаза.

— Вы же и так знаете, что завтра! — голос стал очень ласковым. — Раз я — ваша судьба, вы должны это знать! Вы теперь знаете, где я живу... Приедете завтра к семи вечера и увидите. И мы сходим куда-нибудь с вами... Только это будет завтра. Не сегодня. Приедете?

— Конечно, Снежаночка! — Сергей был готов взлететь. Это было счастье.

Мило улыбнувшись, девушка быстро потянулась к нему, чмокнула губами в щёку. Тут же убрав его руку со своей, быстро открыла дверь и выпорхнула на улицу. Сергей проводил её глазами, пока она не скрылась в арке дома.

Сергей медленно и вальяжно тронулся с места. Улыбался счастливой улыбкой. Вот ведь как бывает! Не ждёшь и не думаешь, что может быть такая встреча. И тут раз, и всё меняется. Он теперь точно не сможет уже жить с Веркой. Они живут с ней уже два года, но он ни разу не испытывал даже близко такого чувства, что испытал, когда держал Снежану за руку, а она его поцеловала в щёку. Ни разу! Ход мыслей прервал резкий звонок телефона.

— Шкурин! Ты где, зараза? — шеф был не зол, а просто обескуражен. Вероятно, выйдя и не обнаружив своей машины с водителем, он просто не был готов к такой ситуации. Нестандартно.

Непривычно.

— Олег Николаевич! Простите. Буду через полчаса. Всё объясню вам, — Сергей знал, что шеф — нормальный мужик, и если рассказать ему правду, поймёт.

— Шкурин! Ну, ты даёшь... Ладно, но не больше получаса. Возвращаться мне уже нельзя, я буду тебя ждать в кафе, что напротив. Не опаздывай. Полчаса.

— Да, я, правда, в небольшой пробочке, но успею, Олег Николаевич, успею.

— Давай, давай... Уж постарайся, — шеф отключился.

Хороший он мужик. Он поймёт. А Вере надо сказать сегодня же. Сказать, что влюбился, и они больше не могут быть вместе. Она хорошая баба, она его поймёт. Задумался, представляя, как скажет ей. Удар. Несильный удар о впереди стоящую машину. Чёрт! Уехать — не уедешь, прав ведь лишат! Чёрт!

— Олег Николаевич! Вы простите...

— Что?

— Я не успею...

— ...

— В аварию я попал, въехал BMW в зад... Не сильно. У него бампер, у нас с вами фара. Ждём гайцов...

— Не у нас с вами, Шкурин... Оформляйся в

ГИБДД, ставь машину в гараж и пиши заявление по собственному.

— Олег Никола...

— Я всё сказал, Шкурин. Не зли меня, иначе и за ремонт машины платить будешь, и по статье уволю.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!.. И это хороший мужик — шеф?! Чёрт!

Когда он появился дома, было уже поздно.

— Там ужин в микроволновке, нажми на кнопку, Серёж, — встретившая Вера чмокнула его в губы. — Устал? Я фильм досматриваю, сам разогрей, пожалуйста.

Шкурин набрал воздуха и сказал то, что планировал... Вера плакала и кричала. Не поняла. Хорошая баба, а не поняла.

* * *

— Свет! Ты представляешь! Я сегодня так попала! Выхожу с работы. Дождь идёт, вся промокла. Ноги мокрые. Покупаю помидоры, иду к остановке на маршрутку.

— Да, Надь, действительно попала, — подруга захихикала в трубку.

— Не смешно, дура. Я чуть полные штаны от страху сегодня не наложила, на маньяка нарвалась, а ты ржёшь...

— Да ладно, ладно, я же не знала.

— Не знала она... Сдуру села в машину к какому-то Буратино богатенькому, думаю, приличный парень, довезёт до дома... Да, знаю, что сама дура, ну, что ж теперь... А он реально придурком оказался... Пришлось улыбаться ему, назваться Снежаной какой-то и выскочить за квартал от дома. Потом, как ошпаренная, неслась на каблуках по лужам до дому этот квартал... И только дома поняла, что ещё и зонт с помидорами у этого сумасшедшего остались в машине... Ну, и хрен с ними, он реально маньяк, хорошо, что жива осталась.

Мышеловка

«Хороший секс бывает только в мышеловке», — подумала Рагульская, тяжело вздохнув. Лена была в растерянности. После встречи с Сергеем тряслись руки и ноги, мысли путались. Сидя перед телевизором, она просто смотрела, не слыша звуков, обхватив себя обоими руками за плечи.

— Мам, пойдём гулять сегодня? Что ты всё сидишь? — заканючил Гришка.

— Да, Гришуля, пойдём, конечно. Мы, наверное, с тобой не будем папе готовить ужин, а погуляем. Купим готовую еду в магазине с тобой,

да, Гришенька? — Лена подмигнула сыну, — А то я как-то себя не очень хорошо чувствую, устала, наверное!

— Ура! Мамочка! Ура! Пойдем, пойдём! — сын радостно запрыгал. С мужем они уже двадцать лет, но сын родился всего семь лет назад.

— Иди, одевайся, я тоже оденусь, — потрепав его по голове и чмокнув в макушку, сказала Лена.

Они встретились случайно. В магазине. Сначала встретились глазами. Как выстрел. Как удар. Хлёткий удар. Он так знаком! Сразу вспомнился запах. Запах его тела. Как? Она не могла его знать. Как? Она видела его впервые! Запах. Странно. Но она точно знала! Точно помнила. Как? Он, скользнув по ней взглядом, отвернулся. Вдруг вздрогнул. Было видно, как он вздрогнул, даже со спины, и медленно повернулся к ней. Повернулся, смотря в пол. Медленно поднял глаза. Смотрел. Молча стояли и смотрели друг на друга. Выстрел. Долгий выстрел. Вечность. Они простояли вечность.

— Мы, кажется, знакомы? Простите, не могу припомнить, но у вас очень знакомое лицо, — говорил, не отрывая глаз.

— И вы мне кажетесь знакомым, — Лена натянуто улыбнулась.

Дрожь. Мелкая дрожь била по всему телу. На вид она была просто смущена. Со стороны вообще

всё длилось пару секунд. Никто и не обратил внимания. Незначительный эпизод. Случайная встреча. Встретились. Неудобство от того, что не узнали. Забудется уже по выходу из магазина. Со стороны... Со стороны было так. Но что с ней творилось! Было полное ощущение встречи с родным и близким человеком.

* * *

Поворачиваясь, Сергей Коновалов понял, что что-то произошло. Что? Не мог понять. Что могло произойти? Так, где список покупок, что дала ему жена? Стоп. Мозг открутил время на секунды назад. Кто это был? Кто за спиной? Пробила дрожь. Там был кто-то очень родной и близкий. Он точно знал. Кто? Медленно повернулся. Увидел её, пробил пот. Он знал её! Но откуда? Он знал её всю. Он знал всё её тело. Он знал все её запахи. Он знал все интонации её голоса. Откуда? Как? Он знал. Он точно всё это знал!

Уже почти 17 лет он живёт с Аней. Дети. Работа. Конечно, их отношения стали другими. Но он любил свою жену. Любил своих детей. Он был верен жене. Никогда не изменял. С Аней они познакомились на дискотеке. Тогда в школе ему досталось приглашение в ДК. И как досталось! Билет был выдан только активистам

комсомольского актива. Мишка Дружинин был активистом.

— Миха, ну на хрена тебе билет? — Сергей спрашивал с явным недоумением.

— Ну, раз есть, схожу, чего ж, — Дружинин был отличником, в выглаженной форме, носил стрижку «под канадку».

— Продай мне!

— А на фига мне деньги?

— Обменяй.

Пришлось выменять на автоматическую ГДР-овскую подводную лодку. Он любил запускать эту лодку на ближайшем пруду. Главная забота была, чтобы провода, ведущие от лодки к пульту, не зацепились за какую-нибудь корягу. Ещё десять минут назад, не зная, что будут раздавать билеты, он планировал пойти на пруд с этой лодкой. Теперь лодки нет. Есть билет. Ладно, вырос из игрушек-то, но было жалко. Что-то было не так. Что? Было жалко и непонятно, на фиг она нужна Мишке? Он же активист и любитель спорта. Его в жизни вообще кроме собраний и его спортивной секции ничего не интересует. Ну, футбол ещё, может быть.

Перед дискотекой был какой-то концерт самодеятельности. Народу перед входом было полно. Стояла очередь. Пройти можно было только по билетам. В джинсах «Rifle», кроссовках и клетчатой рубашке с майкой «под горло» он был

модным парнем. Отсидев кое-как концерт и накурившись в туалете, наконец, дождался дискотеки, на которую попал всего третий раз, причём впервые один, без друзей. Серёжка увидел её сразу. Она танцевала. Как она танцевала! Он стоял и любовался. В динамиках зазвучала группа «Laid Back» с песней «Sunshine Reggae». Как же было сложно подойти и пригласить её на медленный танец. Ноги были просто ватные. Он чувствовал, что весь красный. Не было бы темно и светомузыки, просто не подошёл бы — побоялся. Пригласил. Она с надменной улыбкой согласилась. А через восемь лет уже не с надменной, а с улыбкой радости согласилась стать его женой.

* * *

Как это произошло, ни Рагульская, ни Коновалов не поняли. Их отношения были стремительны. Они встречались каждый день. Они не могли наесться друг другом. Выстрел встречи продолжился автоматной очередью. Уже после первого их свидания, которое состоялось в квартире матери Лены, пришло понимание, что просто так всё не пройдёт.

— Ты понимаешь, что теперь мы уже не сможем друг без друга? — Сергей спрашивал, зная, что это так. Откуда он мог знать запах Лены, знать

её тело. Откуда он получал такое наслаждение, которое может быть только от близости с горячо любимой женщиной?

— Я не смогу без тебя, Серёж.

— Но как же мои дети и твой сын?

Повисло долгое и тяжёлое молчание.

— Ты знаешь... Я думала, что люблю Мишу. Мне казалось, что я его люблю с самой первой нашей встречи, когда он запускал эту свою подводную лодку на пруду.

— Какую ещё лодку, Лен? — Коновалов почему-то напрягся.

— Ну... какую-то лодку... он с пульта её запускал, а провода там у него запутались на коряге. Я мимо шла, он попросил постоять на берегу, подержать пульт, а сам разделся до трусов и воду полез. А холод был. Вода холодная. Начало мая было. Вот как он разделся, так я в него и влюбилась тогда... Теперь понимаю, что всё время это не любовь была, а имитация.

— Миша? Дружинин? Твой муж — Дружинин?

— Да... А ты его знаешь?

Удар! Выстрел! Молчание.

— Вы вытаскивали мою лодку. За корягу зацепилась наша общая жизнь с тобой, Лен, но вытащили её вы с Мишкой...

Жизнь и счастье Белкиной

Книга

Я закрыла книгу и ошарашено посмотрела по сторонам. Людей в вагоне почти не было. Интересно, сколько времени? Достав телефон и посмотрев на монитор, пришла в ужас. Выходит, я около шести часов ездила по кольцевой. Хорошо, что сегодня суббота, иначе на работу я бы сегодня не попала. Где я, интересно? Так, говорят, на «Парке культуры», ладно, до «Павелецкой» можно привести мысли в порядок.

Откуда этот Гвоздев знает мою жизнь? Так... Нужно вспоминать всё последовательно. Села я на «Проспекте Мира», до этого купив у лоточника эту книжку. Так... Книжку выбрала сама, никто не помогал. Автор Валерий Гвоздев, книга «Жизнь и счастье Белкиной». Так... Купила я понятно почему, я же Белкина, интересно стало, что за Белкина такая счастливая. Автора не знала и не слышала. Повертев сейчас в руках книжку, ничего подозрительного не обнаружила. Книжка и книжка, мягкий переплёт, не яркая, с фото автора сзади. Автор не молодой, но симпатичный мужчина. «Откуда ты знаешь всю мою жизнь?» — я смотрела на его фото. Так... «Павелецкая», нужно выходить.

На улице шёл дождь. Раскрыв зонт, я пошла

на маршрутку. Странная книга. Она, по сути, была и не о Белкиной. То есть и о Елене Белкиной в том числе, но я была одной из множества героинь и героев, а называлась почему-то про меня. Большинство героев были мне даже не знакомы. Нет, все мои знакомые, друзья, мужчины были описаны досконально, но многие знакомые знакомых мне были неизвестны. Причем все знакомые были под своими реальными именами. Как он так точно мог всё описать. Это не могло быть совпадением. Как он мог знать мои мысли, ход мыслей? Мысли и поступки моих близких... Если всему верить, то я могла переосмыслить всю свою жизнь. Если знать, что именно таков ход мыслей был у моих близких, я бы изменила многие свои поступки. Я так многого не знала, если верить этой книге. Прямо книга жизни какая-то. Вышла на своей остановке. Дождь почти кончился, и я не стала раскрывать зонт, так и неся его незачехлённым в руке.

— Вер, привет! Слушай, не пугайся, но мне очень нужно знать. Не удивляйся, пожалуйста... Ты меня правда ревновала к Сашке и думала, что у нас с ним связь? — я выпалила в трубку. Придя домой, я так и сидела в сапожках в прихожей уже минут пять, уставившись в одну точку.

— Лен, ты чего? — голос Верки был испуган. — Что-то случилось? Если ты не забыла, я

с ним развелась уже три года назад. С чего вдруг?

— Вер! Скажи, мне очень нужно. Я всё объясню тебе, — я начала снимать сапожки, голос стал требовательным и капризным, я это чувствовала, но ничего не могла с собой поделать.

— Ну-у-у... Да. А как ты узнала? Я даже ему не говорила, — подруга явно была озадаченна.

— Знаю... Уже знаю... Ладно... Я потом перезвоню, — я положила трубку. Оказывается, я даже дверь не закрыла. Как зашла, плюхнувшись в коридоре, так и сидела тут с открытой дверью.

Закрыв дверь, я опять села на банкетку. Мне стало страшно. Очень страшно. Ноги и руки похолодели, дыхание начало сбиваться. Меня начало трясти мелкой дрожью. Страх. Он сковал меня по рукам и ногам, этот страх.

Зайдя на кухню и включив чайник, сразу взяла пульт телевизора. Нужно было, что бы кто-то говорил — эта иллюзия присутствия могла успокоить. Достав чашку и положив туда пакетик зелёного чая, я открыла книгу. Через минуту опять набирала Верку:

— Вер! А у Сашки был друг Пётр, у которого жена была из Новосибирска? — мне нужно было опровергнуть последние сомнения в том, что все люди, описанные в книге, реальны.

— Да что с тобой такое сегодня, Лен? На фиг тебе этот Петька со Светкой? — Вера начала

заметно нервничать.

— Так... Светин папа — директор завода там, в Новосибе, верно? — я и так всё уже знала.

— И чё? — подруга явно была в стопоре от моего поведения. — Зачем они тебе? Давай, рассказывай всё.

— Позже, Вер, позже, — я отключилась. Мне нужно сосредоточиться и подумать.

Чайник закипел и отключился. Я тупо смотрела на него, потом, налив воды в кружку, встала, пошла в комнату за компьютером. Принеся планшетник на кухню и сделав глоток горячего чая, я начала немного успокаиваться. По телевизору, что висел над холодильником, показывали новости из Украины. Там творился какой-то ужас, настоящие сводки боевых действий с Майдана. Столько людей погибло! Вот где ужас-то, вот где проблемы! Люди гибли за что-то, за что, как им казалось, можно отдать и свою жизнь. Они не думали о своих близких, о себе. А главное, не думали, что если бы остались живы, то через пару лет, взглянув назад, были бы сами удивлены, что так поступали. Но это было бы через годы, а сейчас их проблемы гораздо больше, чем мои.

Набрав в поисковике «Валерий Гвоздев», я нашла его сразу в двух соцсетях. Я задумалась. Страх прошёл. Наступило любопытство. Допив чай, я решила, что именно напишу ему. Взяла в руки

планшетник, пришлось опять включить его — он отключился, пока я думала. Опять ввела пароль и долго смотрела на фото Гвоздева. Потом быстро потыркала пальцем по монитору, написав со своего профиля: «Валерий! Пишет вам, как видите, Елена Белкина! Ответьте, откуда вы всё обо мне знаете, и могли бы мы переговорить или встретиться?» Всё, теперь нужно ждать. Всё, всё, сижу, жду. Ой! Я вздрогнула — звонил мобильный.

Память

— Вер... Я понимаю твой интерес, но не сейчас, хорошо? — а я-то думала, кто это.

— Лен, ты должна мне всё рассказать, иначе я не засну.

— Хорошо. Можешь приехать ко мне? А лучше с ночёвкой, — вдруг очень захотелось, чтобы подруга была рядом.

— Угу... Приеду скоро, — зная, что я не люблю говорить по телефону, Верка отключилась.

Я смотрела на экран телевизора. Показывали Олимпиаду. Наши выиграла какие-то там 11 золотых медалей, завтра вроде как закрытие. Меня совершенно не интересовали эти бега на лыжах, езда на санках и коньках, и я искренне удивлялась восторгу зрителей... Когда мне было 10 лет, была московская олимпиада, запускали в небо мишку,

приехало много иностранцев, выстроили целый район в Москве...

Какая я счастливая? Наоборот. Гвоздев ошибался. Мне все всегда завидовали: и подруги, и родня. И на самом деле, за что бы я ни бралась, всё у меня получалось лучше всех. Сначала. Только сначала. Начав учиться на «отлично» в школе, я чуть не закончила её со «справкой» вместо аттестата из-за неудовлетворительного поведения. В институте мне пророчили красный диплом, но на четвёртом курсе выгнали за неуспеваемость. Постоянной была только моя внешность — я была красива и знала об этом. Знала с детства.

В школе уже в седьмом классе за мной ухаживали десятиклассники. Я могла просто выбирать и была очень привередливой. Но как только я выбирала себе кавалера, начинались проблемы. То его били ревнивые сверстники, и он, испугавшись мести, начинал избегать меня. Другой начинал гулять с моей подругой. Третьего увозили родители, переезжая в Ленинград. К концу девятого класса я начала вести «аморальный образ жизни», как говорили мои родители, и из их «гордости» я превратилась в их «позор».

В институте у меня так же сразу появилось море поклонников. Один даже повесился после того, как я его бросила. Это меня тогда не особо трогало, и я даже не пошла на похороны, хотя

встречалась с ним почти месяц. И этот месяц жила с ним вместе в его квартире, что он снимал в Печатниках. Тогда я была влюблена в «любовь всей жизни», как мне тогда казалось, Никиту. Мы готовились к свадьбе. Никита был мечтой всех девчонок в институте, а достался только мне.

Мы поженились, и я на самом деле была счастлива. Недолго. Совсем недолго. Никита начал пить. Сначала это не напрягало, и я сама любила проглотить с ним пивка. Бары, дискотеки, вечные походы в гости. Но потом... Начал меняться характер. То он постоянно ревел, то был ласков, то истерил. Он начал пить постоянно — и утром, и днём, и вечером. Его выгнали из института. Он пропивал видеокассеты, свои вещи, а потом и сам видик, который нам подарили на свадьбу и который стоил как автомобиль. Потом, когда меня не было дома, все мои украшения. Жизнь превратилась в ад. Я развелась с Никитой, и меня к тому времени уже выгнали из института.

Самое удивительное, что Никита сразу бросил пить и обзавёлся семьёй и детьми. Я же осталась одна без жилья, без профессии, без мужа и детей. Жила я тогда у родителей. Решив, что время уходит, и мне нужен ребёнок, я решила получить его. Замуж я больше не хотела и решила родить по своему выбору. Я соблазнила красивого и умного молодого кандидата наук и сразу забеременела.

Кандидат был женат, и я не стала ему говорить об ожидающемся ребёнке, а просто тихо разошлась с ним. Потом... Потом страшно вспоминать. У меня был выкидыш и страшный диагноз, не позволивший мне больше никогда иметь детей.

Потом я вышла замуж за Стасика. Стасик был «новым русским», и у нас было всё, что можно было себе позволить в те годы. Подруги мне страшно завидовали. Продолжалось это четыре года. Стас меня искренне любил. Его застрелили из автомата вместе с его водителем в бронированном «мерседесе». Видно, не такой уж он был и бронированный... В один момент я потеряла всё. Всё имущество после его смерти описали и отняли милиционеры, мне остались только носильные вещи.

Потом — не лучше. Почти сразу я устроилась на хорошую работу. Жила я теперь одна в той квартире, где живу и сейчас — она досталась мне от бабушки. Опять появилось куча поклонников. Букеты с курьером, дорогие подарки. Даже купив лотерейный билет в первый раз, я сразу выиграла иномарку. Но уже через месяц машину расплющил кусок снега, упавший с крыши дома, и восстановить её было невозможно. Страховок типа «Каско» тогда ещё не существовало. Ещё через полгода фирму, где я работала, захватили рейдерским захватом, и всех прежних сотрудников уволили.

После этого я уже боялась удачи. Работала на обычной работе и тихо себе жила все эти годы, изредка встречаясь с мужчинами. Правда, остались подруги, да и работа мне была интересна. И так до сих пор...

«Блямкнул» планшетник. Взглянув на него, я пришла в себя. Пришло сообщение от Валерия Гвоздева: «Я ценю Ваш искромётный юмор. Елена Белкина погибла пятнадцать лет назад. Спасибо, что читаете».

Гвоздев

Забавно. Меня это даже не шокировало. В первый момент не шокировало. Ужас начал приходить через час, когда, беззаботно приняв душ, я вытиралась полотенцем. Спешила. Верка должна была появиться с минуты на минуту. Ужас пришёл со звонком в домофон. Я побежала к двери, схватила трубку домофона: «Поднимайся быстрее!» и, не дождавшись ответа, положила на держатель. Уже спокойнее дошла до ванной, надела халат. Уже совсем медленно подошла к входной двери и села на банкетку.

* * *

Звонок мобильного и звонок в дверь раздались

одновременно. Встала. На кухне звонил телефон, за дверью должна быть Верка. Долго не думала, распахнула дверь. На пороге стоял мужчина, одетый в джинсы и ветровку. Лицо, красивое, выразительное, спокойное.

— Возьмите телефон, Лена, — голос ровный. Волосы спадают на брови.

— Вы кто?

— Вы же знаете, я — Валера. Гвоздев. Я войду? — уверенно шагнул в квартиру и закрыл за собой дверь. — Возьмите трубу. И... мужайтесь.

Направилась, как он и сказал. Не оборачивалась. Боже, как страшно! Так страшно мне не было ещё никогда в жизни. На мониторе телефона была Верка.

— Да, Вер, ты где?

— Капитан ГИБДД УМВД Скрипак. Вы были знакомы с погибшей? На её телефоне последний разговор — с вами. Вы её родственница? — всё поплыло перед глазами.

* * *

Открыв глаза, я поняла, что нахожусь в своей комнате. Рядом в кресле сидел Гвоздев. Он был в бордовом свитере, видно, снял свою ветровку.

— Всё хорошо, Лена? — его спокойный голос как-то привёл меня в чувство.

У меня началась истерика. Я просто кричала и выла. Кто этот Гвоздев? Верка погибла! Как изменилось всё с утра! Почему я? Почему сегодня?

— Успокоились? — Валерий встал и спокойной походкой вышел, придя через минуту с кружкой. — Выпейте воды, Лена.

Страх прошёл. В голове был туман. Так бывало пару раз в молодости, когда я по неопытности напивалась до бессознательного состояния. Просыпаясь с утра, я была уже трезва, но голова моя была пуста, как чистый лист. Сейчас так же. Голова — чистый лист.

— Оденьтесь. Нам лучше продолжить разговор не в этих стенах. Лучше спуститься в кафе, что у вас в доме. — Валера смотрел на меня с интересом, как на какую-то неведомую зверушку.

— В моём доме нет кафе. Внизу есть только спортивный магазин, — автоматически сказала я.

— Заблуждаетесь. Впрочем, сегодня вас много чего будет удивлять. Я подожду вас на кухне. С вашего позволения заварю себе чаю, — и, не дождавшись ответа, вышел.

Молча встав, я открыла ящик. Достала бельё. «Я же так тут и лежала, выходит, голая, в одном халате?» — мысли текли без эмоций. Надев трусики и лифчик, начала сидя надевать колготки. Надев до колена, остановилась. «Какое кафе? Неужели у меня в доме есть кафе?» — почему-то именно эта

мысль начала опять наводить ужас. Я только вчера вечером в этом спортивном покупала себе спортивные штаны — ходить дома. Дом в два подъезда, там кроме магазина не может быть ничего. Но я была уверена, что там нет магазина. Там кафе. На месте магазина. Страх. Как же страшно. Нет, Валеру не боюсь почему-то. Нет. Не боюсь. Страх от ситуации, от неизвестности. Надев юбку, застегнув молнию, достала блузку и, держа её в руках, долго смотрела в одну точку.

Выйдя из комнаты, сразу направилась в прихожую. Прошла, даже не взглянув, на кухню. Начала одевать сапоги.

— Валер! Ты идёшь? Я одеваюсь уже, — прозвучало так обыденно. Со стороны каждый бы подумал, что жена — мужу.

Кафе

Кафе было. Оно тут было уже давно. Ступени облупились. Было видно, что всё не новое. Оно было уже тут несколько лет, это точно. Не удивилась. Подошедший официант был тем продавцом, который вчера помогал мне подобрать размер спортивных штанов. Не удивилась.

— Конечно, кофе. Мне капучино с корицей, — улыbnулась.

— Двойной эспрессо, — Валера посмотрел на

меня, — что-то ещё?

— Пока всё, — официанту.

Помолчали. Молчали уютно. Каждый думал о своём.

— Кто вы, Валера? — это основной вопрос, который меня заботил.

— Валерий Гвоздев — писатель, — улыбнувшись краешком губ. — Не переживайте. Вера жива. Она просто в той жизни. Вы — в другой. В «той» жизни нет уже и вас, да и меня, кстати, тоже нет. Вы погибли 15 лет назад.

— Как?

— Вы не успели выйти из машины, и вас раздавила куча льда и снега, свалившаяся с крыши. А вот и кофе, — улыбнувшись официанту. — Спасибо. Если что будет нужно, мы вас позовём.

— Забавно... После этого у меня перестало всё получаться сразу, как ранее. Вот в чём дело. Я умерла... А я, боясь своих удач, перестала что-либо делать сама для этой «удачи». Вот её всё и не было... А вы-то, Валерий, почему умерли? Тут все кругом мёртвые?

— Давайте на «ты»? Не против?

— Нет не против. Давай.

— Писал я с молодости. Мои повести были удачны. Но, конечно, меня не печатали. В 90-х это вообще никому не нужно было. Потом начали печатать детективы и фантастику. Всё, что

приносит прибыль, то и печатали. Я писал совсем не то... Писал о добре и зле. Писал о том, что общество, которое думает только о своём материальном благе, порочно... Вам нравится кофе?

— Да, я люблю капучино. Сварено хорошо.

— ...Писал о пороках. О пороках людей. Писал, не оценивая своих героев и их поступки. Я считал, что читатель умнее писателя... Ну, в основе своей. Пусть оценки ситуации и поступков героев у читателя будут свои. Конечно, я утрировал все ситуации, сгущая краски. Я был против национальной идеи «деньги»... Мои работы были, мягко говоря, невеселы. Веселья хватало в телевизоре. Кругом одни шутки, когда всё весело и легко, то легко и прийти к общей идее, что смысл жизни в том, сколько денег ты зарабатываешь. Сколько материальных благ у тебя есть. И добился в жизни только тот, кто имеет больше денег. Остальное неважно... Давайте закажем что-то вкусное?

— Как хочешь. Я сейчас, сам понимаешь, ничего не хочу.

Валера подозвал официанта.

— Сергей! Будьте добры, повторите нам кофе и принесите два тирамису... Да, всё пока. Спасибо.

В кафе было пустынно. Вдалеке за столиком сидели две девушки, так же пили кофе и о чём-то

беседовали. Рядом с нами стояло белое старинное фортепьяно. Интерьер был приятен. Музыка была тиха, легка и ненавязчива.

— Испортит всё кофе.

— Что, прости? — я не поняла Валеру. Он был задумчив.

— Да, кофе. Я любил кофе. Пил его очень много и по несколько раз в день. Но в один прекрасный день, я решил, что пить кофе, заваривая его в турке, мне надоело. Мне захотелось дорогущую кофемашину...

— Не пойму связи.

— Я, Лен, сначала тоже не понял. Но после кофемашины мне захотелось машину. В смысле автомобиль. Купив автомобиль, я захотел иметь свой отдельный дом с гаражом, бильярдной, курительной комнатой. Автомобиль я так же захотел поменять, купив его по стоимости десяти машин, на которой я ездил до этого. Я захотел много новых хороших модных вещей, которые, может, и надену-то раз в жизни. Но нужно же было чем-то заполнять огромную гардеробную. Мебель, антиквариат — всё это вдруг стало мне необходимо и важно...

— А это разве плохо? — я не совсем понимала ход его мыслей. Подвох понятен, что-то пошло в его жизни не так. Понятно, что это было против его принципов, о которых он писал в своих романах. —

Хотя, наверное, нехорошо. И ты умер?

— Да.

Мы молчали. Я начала слушать музыку. Хорошая музыка. Я НИКУДА НЕ ТОРОПИЛАСЬ. Я не спешила УЗНАТЬ. Официант Сергей принёс кофе.

— Хорошее тирамису, — Гвоздев ел с явным удовольствием.

— Умер я от инфаркта. Для получения всех этих благ я забросил своё писательство, организовав свой бизнес. В кризис я разорился и почти всё потерял. Сердце не выдержало. Умирал, кстати, с болью... тебе повезло больше — ты мгновенно.

— Мы сейчас где? Это потусторонний мир? Раз мы мёртвые, то...

— Нет. Тут всё реально. Всё на самом деле проще. Там мы умерли — здесь живём. Тот мир — не для нас. Мы делали в нём НЕ правильно. Не по своему предназначению. Мы там стали не нужны.

— А чем нужна я? Работа — дом, вот и вся моя жизнь...

— Ты сама ответила на свой вопрос. Работа — дом. У каждого своё предназначение.

— А чем занимаешься ты?

— Пишу. Понимаешь... Я пишу о людях. Существующих людях. И пишу их судьбы. Могу убить, могу не убить. Как напишу, так и будет.

Видно, моё предназначение — быть чистильщиком этого мира... Узнав о тебе, написал, и вот ты живёшь дальше. Другой, к примеру, подлец, который развращён властью и деньгами, умирает. Умирает от болезни или катастрофы, неважно. Но он уже не приносит несчастья людям.

— Ты — Бог?

— Да Боже тебя упаси. Я лишь выполняю свою миссию. Своё предназначение.

— Ну, как же? Раз ты можешь так легко распоряжаться людскими судьбами! — говорила так, но, странно, я не была против этого. Я принимала его слова. Я слышала его.

— Распоряжаться судьбами? Так не я распоряжаюсь судьбами. Люди сами распоряжаются своими жизнями. Люди просто забывают, делая зло, что оно к ним вернётся. Я лишь корректирую то, что должно быть.

— И что дальше? Как мне дальше жить со всем этим знанием? Что мне делать? — я была растеряна. Зачем мне всё это? Жила себе и жила. Не знала, и хорошо.

— Жить. Жить и понять, что все «неудачи», которые есть у тебя на пути — это всего лишь корректировка твоего правильного пути. Те мужья, что запили, та машина, что была раздавлена снегом, из-за чего ты переживала... Ты теперь понимаешь, что это — счастье, а не несчастье. Люди, с

которыми ты рассталась, выходит, были не «твои», и счастья ни тебе, ни им это не несло. Машина, выходит, тебе была не нужна, она бы принесла смерть... Живи, Лен. Ты будешь ещё что-то?

— Да. Хочу, как ты, эспрессо. И хочу ещё и тирамису.

Валера подозвал официанта.

— Сергей, будьте добры, принесите девушке двойной эспрессо и тирамису. И рассчитайте. Я уйду, как расплачусь с вами, девушка остаётся.

— И ты просто так уйдёшь? — мне стало страшно. Опять очень страшно. Страшно оставаться одной.

— Да.

Молчали. Сергей принёс заказ и счёт. Валерий, посмотрев на счёт, достал из кармана деньги. Ужас его ухода подступал всё ближе. Валера посмотрел на меня и улыбнулся открытой улыбкой.

— Не бойся. Всё у тебя должно быть хорошо. Теперь только не бойся неудач. Добивайся своей цели. Главное, чтобы цели не сменились ложными целями. Тогда всё будет хорошо.

От его слов и улыбки я как-то сразу успокоилась. Стало хорошо, уверенно и спокойно. Одна только мысль о Вере не давала покоя.

— А о Вере не беспокойся, Лен. У неё всё хорошо. Она осталась «там». Она там оказалась

нужнее. Не переживай. Удачи.

Гвоздев, чмокнув меня в щёку, надел свою ветровку и, не оборачиваясь, пошёл к выходу из кафе. Но вдруг остановился и, обернувшись:

— И не делай подлостей. Я не один такой в этом мире «писатель», и нет гарантии, что, сделав подлость человеку, ты не получишь в ответ то, что все твои дела и заботы перечеркнёт в одну минуту. Думай об этом. Пока.

И вышел.

Там

Валерий долго рассматривал фото. Было забавно. Женщина была тёзкой его героини Белкиной.

— Вееер! Поди!

Жена была на кухне, смотрела олимпиаду по телевизору.

— Щя, Валер! — чем-то грохнув, похоже, тарелками. Послышались шаги.

— Что, милый? — Вера была весела. — Наши опять, похоже, медаль возьмут!

— Ну, ты же знаешь, я не интересуюсь этими играми совсем... Посмотри, вот... Вот твоя покойная Белкина, в квартире которой мы с тобой, выходит, и живём, прислала мне сообщение, — Валера хохотнул. — Посмотри! На фото вроде

адекватная, красивая женщина... Слушай, какой же я счастливый, что потерял всё тогда... все свои богатства. Иначе не нашёл бы тебя.

— Чего это ты вдруг, Валер?

— Не знаю, Вер. Не знаю. Просто тогда, со своими деньгами, я был один. Сейчас, пусть и без денег, и в твоей квартире, но... мы просто нужны друг другу. Я счастлив с тобой.

— И я, Валер.

Вера подошла к экрану. Гвоздев обнял подошедшую.

— Что у нас на ужин будет сегодня? — Валерий перевел взгляд на жену. — Что с тобой, Вер?! Вер! На тебе лица нет! Что случилось?!

— Так это она, Валер... Старше, чем умерла, но точно она, Валер!.. Я её сама хоронила, Валер, сама, в этой квартире, Валер...

А помнишь?

Липатов задумчиво жевал. Он не хотел есть. Знал, что нужно. Ел через силу. Аппетита не было уже третий день. Три дня как он расстался с девушкой, с которой прожил последние два года. Она была близка ему. Липатов отодвинул тарелку с супом и придвинул к себе салат. Не то, чтобы было противно есть. Нет. Просто — никак. Никаких

ощущений. Равнодушно. А это, как теперь понял Липатов, самое сильное чувство. Ни ненависть, ни любовь. А именно равнодушие.

Самое паршивое в жизни, что, начиная любые отношения, всегда кажется, что так и будет. Так будет всегда. Причём никаких препятствий к этому и не видно. Но вот день за днём, как капля воды точит камень, подкрадывается сначала привыкание. Привыкание нельзя допускать. Это сложно, но так бывает. Люди живут годами и не могут друг к другу привыкнуть. Поэтому и годами. Самое интересное, что когда приходит равнодушие, то оно приходит к тому, кто когда-то считал, что любит сильнее. Когда оно приходит, уже нет дороги назад. Любовь остаётся воспоминанием. Липатов понимал, что Оля его уже не любит.

— Витька! Ты?! Витька! Тыщу лет! — стоявший мужчина с подносом был чем-то знаком.

Липатов застенчиво улыбнулся:

— Простите. Не могу узнать вас, — злясь на себя за выражение своего лица.

Мужчина поставил поднос на стол напротив него и сел, улыбаясь. Очень знаком. Но кто это? Полный. Большого роста. Лысеющий. Дядька неопределённого возраста. Одет в майку огромного размера, в которую могло бы влезть штуки три Липатовых.

— Правда не узнал, что ли?

— Не узнал.

— Мишка я! Голубкин Мишка!

Конечно! Как же он изменился. А ведь он года на три младше Липатова.

— Слушай, но тебя не узнать совсем. Мы же тогда детьми были. Ты худющий был! — Виктор улыбался. Он был искренне рад. С Мишкой они в детстве дружили, хотя тот и был гораздо младше. В том возрасте три года — огромная разница. Они жили в одном дворе.

Мишка ел. Улыбался. До чего было приятно увидеть его, Мишку. На контрасте чувств, после переживаний по Ольге, особенно.

— А я смотрю, такой грустный сидит. Жуёт, — Мишка хохотнул. — А помнишь, как мы землянку строили?

— А то! Я всё помню, Миш! А ты вот помнишь, как на болото ходили пиявок и тритонов ловить? Как плот строили, как перевернулись с него? — Липатов засмеялся.

— Витька! Как я рад всё же тебя видеть. Конечно, помню! — Голубкин уже доел. Ел он на подносе — не составляя тарелок на стол.

Выйдя на улицу, оба закурили. Вспоминали детство. Липатову стало как-то хорошо и тепло. То, что Оля его разлюбила, уже не казалось концом света. Вот ведь человеческая природа. Только несколько минут назад был в ужасной депрессии, и

вот случайная встреча буквально вернула его к жизни.

— Миха! А ты помнишь, из-за чего мы поссорились то? — Липатов ухмылялся — Я же в малолетку тогда, в Верку, твою одноклассницу, влюбился. А потом у меня отсрочка закончилась, и меня в армию в 21 год забрали. И ты в Верку влюблён был. На проводах у меня нажрался и всё морду мне порывался набить.

Голубкин как-то посерел. Обмяк. Приник. Замолчал.

— Я в армии тогда в училище сапёрное поступил... Ну и всё... Потерялись мы с тобой. Да и про Верку забыл, как на письма отвечать перестала. Я с армии-то только лет семь как ушёл, майором. Ты-то как?

— Так, выходит, ты так ничего и не знаешь? — лицо Миши уже не выражало дружелюбность. Глаза изменились. Перед Липатовым стоял совсем другой человек. Человек с жестоким пристальным взглядом.

Липатову стало неуютно под этим давящим, гнетущим, тяжёлым взглядом. Он отвёл глаза.

— А что я должен знать-то, Миш?

— Она вышла за меня, Вить, через год, как ты в армию ушёл. Я пил тогда сильно по молодости. Так, через год нашей жизни пришёл я, как всегда, пьяный домой. А она мне в лицо: «Не любила тебя

никогда. Липатова до сих пор люблю».

Витя молчал, не находя, что сказать. Вспомнилась Вера. Вспомнились чувства. Даже запах её вспомнился. Где-то в животе затянуло, заныло.

— Да ладно, Миш. Дано это было... Чего уж теперь...

— Я убил её тогда. Зарезал. Двадцать два ножевых — потом на суде сказали. Уж вышел давно, отпустили через восемь лет по амнистии... Я думал, ты знаешь.

Соседи довольны

— Да ты же урод! Посмотри на себя, — Ксения с омерзением подняла руки, расставив пальцы, — ты же денег не зарабатываешь! Дома на диване лежишь и книжки читаешь!

Ксения немолода. Фигура великолепна. Про таких говорят: «Сзади — пионерка, спереди — пенсионерка». Холёна. Манерна. Лицо капризно.

Виктор молча сопел, потом начал покрываться красными пятнами. Виктор выглядит плохо. Небрит. Лохмат. Чрезмерно худой. Щёки ввалились. На бледной коже проступает щетина.

— Ксенечка... Мне стыдно... Прости... Я тебя люблю. Я устраюсь на работу... Ну не по моей же вине меня уволили! — Виктор явно сгорал от

стыда перед женой.

— Да какого хрена? Мне вообще всё равно, почему тебя уволили! Мне и твоя любовь по барабану! Какая любовь в нашем возрасте, Витя?! О детях и о деньгах нужно думать, а не о любви! Не 18 лет, дорогой ты мой! Я уйду с утра и возвращаюсь поздно, почти ночью! А ты всё лежишь! Большой он... Задолбал уже... Кто сыну помогать будет? Они с женой в Испанию уже собирались... Ты им деньги обещал... Уволили его, блин... Лежит теперь, король немощный.

— Ксень... Да есть деньги. Прости. Мне просто говорили, что на лечение нужно... Если считаешь... Давай, их отдам Ваньке, там и тебе на шубу есть... Только это последние.

— Какое лечение то? — Ксения спросила уже нормальным голосом. Посмотрела на Витю. Села на кровать. Потрепала его по волосам. — Что ты за болезнь себе выдумал, симулянт? — жена уже улыбалась.

— Да не говори, — Витя был очень доволен улыбке жены. — Воспаление хитрости, наверное. Мы же с тобой уже 30 лет вместе, пора бы привыкнуть — улыбался.

Смотря в любимые глаза, он забывал обо всём. Уволили его после прохождения медосмотра. Уволили спешно, сообщив диагноз, выдав расчёт и компенсацию за вредность. Заставили подписать

кучу бумаг, что не имеет претензий, и посоветовали деньги оставить на операцию и лечение. С тем и спровадили. Жене Витя ничего не говорил, ну, уволили и уволили. Да она и не спрашивала.

— Да я так и знала, — глаза Ксении опять сверкнули. — А вот о сыне и жене ты не думаешь. Сколько у тебя денег-то?

Витя сказал.

— Мда, не так уж и мало, но не так уж и много. На Испанию им хватит, а вот вместо шубы — только жилетка, — Ксения задумчиво наматывала на палец конец одеяла. — Ты деньги давай. Я Ванечке сейчас позвоню, пусть едут на месяц, отдохнут. А ты работу начинай искать.

Виктор умер за неделю до приезда сына. Сын, узнав о смерти отца, не стал прерывать поездку и уезжать на три дня раньше, приехал после похорон.

Ксения так же работает допоздна, только домой приходит в пустую квартиру и ни на кого не кричит. Соседи довольны.

Клещ

Ларичев мёрз. Забравшись под пуховое одеяло, лежал, закрыв глаза. На улице май, но холодно. Холодно, и дома уже не топят. Ноги ледяные. Ларичев знал, что не заснёт, пока не согреется. Сколько он уже лежит? Ноги, похоже, не

собираются согреться. Нужно было надеть тёплые носки. Леня вставать. Раньше дома никогда не мёрз. Была Лариска. Она согревала и душой, и телом. С Лариской было хорошо. На улице были слышны какие-то крики. Ларичев не открывал глаз. Со стороны могло показаться, что он спит глубоким сном. Не спал. Голова была ясна. Лариска. Тогда они, приехав с дачи, не придали особого значения этому клещу. Лариса, выйдя из душа, попросила посмотреть, что у неё на спине. Из спины торчала маленькая чёрная точка. Ларичев, взяв булавку, начал выковыривать. Лариска постанывала.

— Ромочка, может, к врачу, давай съездим? Вдруг он энцефалитный? Не ковыряй так, больно.

— Ларис! Что ты несёшь? Всех клещи кусают. Сейчас только пойдёшь туда... Очередь в этом медпункте не на один час, я сам всё тебе вытащу.

Лариса возбуждала. Доставая клеща, который впился чуть выше ягодицы, он нежно целовал её в спину. Не достав до конца, он повернул её голову к себе и впился в губы поцелуем, повалив её на кровать.

Этот клещ убил Лариску. Она умерла через двенадцать дней...

Ноги так и не согревались. Да кто там кричит всё на улице? Лариски не было уже полгода, а он всё не мог принять, что её нет. Они прожили с ней всего восемь месяцев. Он познакомился с ней в

очереди к стоматологу. Он очень нервничал и, скрывая свою нервозность, играл на телефоне в шашки.

— Вы совсем не боитесь? — девушка, спрашивающая его, смотрела с серьёзным лицом, нахмутив брови, — или наоборот, боитесь, но делаете такое безразличное лицо?

Девушка, сидящая с ним рядом, была худа и изящна. Короткое бордовое платье с рукавами три четверти. Светлые колготки и туфли на высоком каблуке. Русые волосы были чуть длиннее плеч. Губы. На её красивом лице первым, что бросалось в глаза, были губы.

— С чего это вы взяли, девушка? Я спокоен, как удав, — Ларичев усмехнулся.

— А я боюсь, — задумчиво произнесла девушка.

— Не бойтесь. Боли не будет, наркоз сейчас хороший, — подбодрил он.

— Я не боли боюсь... Я, понимаете, с утра сегодня проснулась, а у меня нет двух передних зубов, — она выглядела испуганно и озадаченно.

— Как это?

— Вот и не знаю, как это... Поэтому и страшно. Вечером были, утром нет. И ни во рту нет, нигде, мистика. Ощущение, что с ума схожу.

Из больницы они ушли вместе. По поводу зубов Ларисы так ничего и не выяснилось. Врач

сама была озадачена. По всему выходило, что зубы были сломлены под самое основание. Причем сломлены давно, потому как надломы уже покрылись кариесом. Сначала Ларичев насторожился, вменяема ли девушка. Но потом, в процессе общения, всё забылось. Конечно, вменяема. А потом пришла любовь. Зубы вставили через неделю и больше не вспоминали никогда об этом случае. Теперь Ларисы больше нет. Нет, он не вспоминал о ней, нет. Он постоянно думал только о ней. Всегда. Сон был единственным спасением. Сны Ларичев не помнил. Может быть, во сне она к нему и приходила, он просто не помнил. В дверь заколотили. Удары, похоже, были и руками, и ногами. «По-мо-о-ги-ите», — закричал женский голос. Ларичев вскочил, бросился к двери.

Распахнув дверь, он успел увидеть силуэт девушки. Она вбежала в квартиру, оттолкнув его, и сразу захлопнула дверь. Было темно. Было совсем темно. Света не было во всей квартире. Вскочив из кровати, он даже не включил свет в коридоре. За дверью был слышен топот поднимающихся людей и мужские голоса.

— Сволочи! Я сейчас полицию вызову. Убирайтесь лучше, ублюдки, — слегка шепелявя, крикнула девушка.

Ларичев всё понял сразу. Пришло спокойствие. Полное спокойствие. Умиротворение.

Ларичев улыбался в темноте. Мужчины выругались, и послышался топот спускающихся.

— Вы простите меня, ради Бога! У меня выхода не было! Эти ублюдки! Они напали на меня! Пьяные! Не поняла, то ли изнасиловать хотели, то ли просто сумку отнять. Сумку отняли. Они мне какой-то железякой по лицу ударили! Я вся в крови, наверное. А у вас подъезд без домофона, я вырвалась, убежала. Стучала во все двери, никто, кроме вас, не открыл. У вас есть свет? Включите свет!

Ларичев медленно потянулся, включая свет. Он был очень спокоен. Он знал.

— Ну, здравствуй, Лариса, — сказал Ларичев, включая свет.

Девушка стояла, держась за окровавленный рот с выбитыми зубами. Ларичев стоял, смотрел на неё и улыбался.

Как чай заваривать

— Да, на ней девушка ездил. Пробег минимальный, в гараже стояла, — Игорь сделал глоток пива из кружки. — Машина в отличном состоянии. Не бита, не крашена — любые проверки... Да как хотите, в любом сервисе, но за ваш счёт, сами понимаете.

Олег с Максом играли рядом в нарды. Олег —

чистюля. Как и Игорь, моден. Одеты оба во всё новое. Одежда дорогая. Олег небольшого роста. Волосы наполовину седые. Волосы длинные. Полноват. Игорь — высокий худой мужчина. Красив. Стрижка короткая, под ёжик.

— Хорошо, можно и завтра. У вас есть мой телефон, позвоните за час где-то. Не вопрос, договорились.

— Ну, чё там? — Олег кинул кубики.

— Да хрен его знает. Приедет завтра... Слушай. Олег, давай, что ль, вечером в боулинг сходим? — Игорь сделал ещё глоток и отставил кружку.

— Нет, мы с Олькой сегодня вечером к тёще идём.

— Что-то у тебя, Макс, с работой сегодня хреновато, — Олег потянулся. — Весь день у нас сидишь.

Макс одет по-рабочему. Одежда грязновата, но видно, недешёвая. В руках крутит последний «айфон». Курит. Волосы курчавые. Лицо нагловато-глуповатое.

В дверь постучали и сразу открыли. В дверном проёме стоял улыбающийся веснушчатый усатый дядька:

— Ребят! У вас тут шиномонтажник? У него на двери висит «в автосалоне».

— Ну, во, Олежик! Ты — провидец! Сразу

Максу робу нашёл, — Игорь хохотнул, закурив сигарету.

— Да, я с монтажа. Что там у вас? Пойдёмте, — Макс встал.

— Да резину купил новую, та уж ни в Красную армию, а в Москву сейчас ехать, вечером дочь в Шереметьево встречать. Поменяешь?

— Говно вопрос.

Они вышли. Молча подошли к машине дядьки. Машина была новая, дорогая.

— Посмотрите, молодой человек. По вашему мнению, хорошую резину купил? Я в ней не разбираюсь, в магазине могли ведь и лапши навешать. Вы-то — как профессионал.

— Не... Хорошая резина, мягкая. Единственно, стирается быстро, к концу второго сезона уже менять придётся. Хотя, конечно, если гонять не будете, то и три-четыре сезона отъездите.

— Да ну... Кто понял жизнь, тот не спешит. Я и не гоняю вовсе. А я и брал на пару сезонов. Всё равно сменю — жизнь дороже.

— Ну, так-то да, — Макс крикнул, снимая колесо.

— Сложная у вас работа, — дядька сочувственно.

— Не жалуюсь.

— А вот по зимней резине что посоветуете? Что лучше, шипы или липучки?

— Шипы лучше. Зимы стали малоснежные, липучки только по снегу хороши. Лёд.

— Аааа... Ясно. А вот в магазине уверяли меня... Ну, ясно, хотя. Спасибо.

Дядька постоял с минуту молча.

— А... Простите, молодой человек, как вас зовут? А то неудобно как-то.

— Максим.

— Максим! Как думаете, вот у меня узкий профиль, может быть, нужно было сменить? Пробивают на наших дорогах.

— Да не. Не беспокойтесь, у вас не такой уж и низкий он. Нормально.

— Ну, спасибо, успокоили. Я переживал.

— А вот вы сейчас что делаете? Балансируете? Вообще колёса часто нужно балансировать?

Игорь с Олегом играли уже вторую партию, когда в дверь опять постучали и сразу открыли.

— Мужики! Разменяйте пятёрку, у Максима сдачи нет.

— Да, давайте, — Олег поднялся. Игорь пристально смотрел в окно.

— Вот спасибо. Только, если можно, там чтоб по сотням ещё было. Хочу ему пару сотен накинуть. Понравился мне парень, консультации хорошие даёт.

— Дааа... Интересный он парень, —

задумчиво сказал Игорь.

— Хороший он мужик, и специалист, видно, грамотный, — дядька взял разменные деньги. — Спасибо. Ну, ладно, мужики, бывайте. Я за дочкой в Москву погнал — дорога не ближняя.

Игорь открыл рот, чтобы что-то сказать, но осёкся.

— Счастливого пути, — Олег уже садился на диван напротив Игоря.

Минут пять играли молча. Зашёл Макс.

— Достал он меня! Одни вопросы! Заколебал реально, мозг вскипел от него.

— Макс! — Игорь задумчиво смотрел на Максима. — А на хрен ты там болты на левом колесе ослаблял? Перетянул или как?

— Что, видел, да? Нет, не перетянул. Просто ослабил на пару оборотов. Может, сорвёт... Если повезёт, то без дочки. Если с дочкой сорвет — хуже... Двойной грех. Я так частенько таким уродам гнусавым делаю, — сказал обыденно, просто, как рассказал бы, как чай заваривает. — У вас тут пиво было, налейте кружечку, сегодня уж никого, скорее всего, больше не будет.

Учитель

Закинув монетку в автомат, Володя стоял. Смотрел. Кофе наливался. Володя любил кофе из

этих автоматов. Настоящий, зерновой. Думал. Придёт на этот раз или нет?

Володя — высокий худощавый мужчина лет тридцати. Одет в светлые джинсы, тёмно-бордовые парусиновые ботинки и майку-поло с коротким рукавом цвета морской волны. Волосы короткие, гладко выбрит. В тёмных очках. Кофе был готов. Взяв из лотка стаканчик, достав сигарету, вышел на улицу. Посмотрел на часы. Закурил.

Он ждал Олега Петровича. Когда договаривались, первый раз он сразу предупредил, что бесплатно не учит. Володя согласился. Какие проблемы? Как иначе? Лучший мастер по огранке камней. Профессионал.

Сегодня был третий раз, когда Володя договорился встретиться с Олегом Петровичем. Начал нервничать. Ювелира не было. Да сколько можно? Озадачивало. Что за отношение? Договаривались с ним третий раз! И все три раза он не приходил! Звоня ему после, Володя не интересовался, почему тот не пришёл. Нетактично. Олег же Петрович, как ни в чём не бывало, назначал новую встречу. Разговор вёл как бы в первый раз. Ничего не объясняя. Высокомерен.

Допив кофе, Владимир посмотрел на часы. Вздохнул. Видно, зря он приехал в столицу. Видно, зря уже третью неделю снимает номер в гостинице. Видно, зря потратил деньги, которых и так нет. Он

был ювелиром, но одним из многих. В его городе огранкой камней никто не занимался. Сплюнул. Достал телефон:

— Олег Петрович.

— Да.

— День добрый! Мы с вами договаривались встретиться. Володя.

— Молодой человек, я помню вас. Мне сегодня некогда. Предлагаю встретиться послезавтра.

— Олег Петрович! Я приехал специально к вам. Предварительно позвонив вам. Мы договорились. Но я с вами до сих пор так и не встретился. Уже третья неделя пошла.

— Послезавтра?

— Нет.

— Что нет?

— Вы всё равно не придёте.

— Хорошо. До свидания.

Отключился.

Володя стоял, смотря по сторонам. С силой поднял руку с телефоном и разбил его об асфальт.

— Смотри, мужик «айфоны» колошматит! — две девушки задорно смеялись. — Мужчина, вы бы лучше нам отдали, чем швыряться-то?

— Забирайте, — Володя улыбнулся, кивнув на обломки.

— Спасибо, — девушки уходили.

— Девчонки, подождите, — Володя, засунув руки в карманы, ухмылялся. — Не хотите шашлыка?

— Пошёл ты на хрен, придурок, — не оборачиваясь.

Володя повернулся и что было силы ударил по урне, стоящей рядом. Урна перевернулась, мусор разлетелся во все стороны.

— Так, дебоширим? Мужчина, ваши документы предъявите, — голос сзади.

Володя, резко обернувшись, нанёс полицейскому сильный удар в лицо. Развернувшись, побежал через дорогу.

Машина даже не успела притормозить. Тело отлетело далеко и, перевернувшись несколько раз в воздухе, ударившись головой о фонарный столб, упало на землю. Рядом упали тёмные очки.

— Вот ведь сука, — полицейский потирал щёку, — так тебе и нужно, скотина.

* * *

— Он уже восемь месяцев как пропал. У вас здесь, в Москве. Помогите разыскать, — девушка с маленькой дочкой держала фотографию Володи. — Он поехал учиться к одному мастеру, ювелиру. У меня был записан телефон этого мастера, я с ним разговаривала. Он сказал, что с Володечкой так и не

встречался. Володя мне и до этого говорил, что никак не может встретиться с учителем. Потом у него был постоянно отключён телефон, и он пропал. В гостиницу так и не вернулся. Там же и остались все его документы. Все, кто знает или видел, помогите, пожалуйста! Поэтому и пришла к вам на передачу. Володя, любимый! Откликнись. Мы с Сонечкой тебя очень ждём.

Девушка всхлипывала, прижимая к себе маленькую дочку.

— Будем надеяться, что ваш муж увидит и откликнется, — сказал ведущий телепередачи.

* * *

— Молодой человек, я помню вас. Мне сегодня некогда. Предлагаю встретиться послезавтра.

— Олег Петрович! Я приехал специально к вам. Предварительно позвонив вам. Мы договорились. Но я с вами до сих пор так и не встретился. Уже третья неделя пошла.

— Послезавтра?

— ...Да, Олег Петрович, где?

— У нас в мастерской в 14.00.

— Но... Олег Петрович, я и не знал, что вы в мастерской работаете. Да и не знаю, где она.

— Конечно... Понимаете, Владимир, я

должен был понять, кого буду учить. Я не хочу тратить своё время впустую. Записывайте адрес... Приходите, вы уже готовы к учёбе. Денег с вас не возьму.

Люська

На улице лил ледяной дождь. Вера стояла на кухне и смотрела на улицу. Женщина была красива. Блондинка. Аккуратное каре. Холёна. Ухожена. Повсюду — на деревьях, проводах — лёд. Свисает везде этот лёд. Висит с крыши, облепил блок кондиционера, что у них над окном. Мерзко. Вера поёжилась. Взяла пачку. Надела куртку. Пошла на балкон через комнату, где сидела мать.

— Опять курить? — женщина слегка поморщилась.

— Да я быстро, — и, обернувшись, — вроде, как и мерзко, но до чего красиво на улице.

Затянулась. Ещё не выпустив дым, сосредоточилась. Снизу доносились странные звуки. Ещё ничего не произошло, но Вера уже чувствовала беспокойство. Сверху на балконе слышались голоса. Сбросила пепел в банку. Прислушалась.

— «Скорую» вызвали?

— Люська, сука, вставай! — дикий крик снизу.

Балкон не застеклён, лёд кругом. Осторожно подойдя к краю, взглянула вниз.

* * *

Он её любил! Как он её любил! Люська лежала на спине с открытым ртом, вся бледная. Тёмные волосы спадали на лицо. Худая, хрупкая.

— Дыши! Сукааа! Люська! — ударил по щекам.

Как? Он не хотел! Он и не толкнул её вовсе. Она просто была пьяная. Скотина! Как она могла упасть? Вот ведь сволочь! Теперь могут подумать, что он её толкнул специально! Люська! Зараза! Поднял за плечи, начал с силой трясти:

— Дыши! Дыши! Люська! — бросил опять. Посмотрел на неё. Сейчас бы выпить ещё. Хотя бы грамм двести водочки! Может, подняться и выпить? — Люська! Сука, дыши!

Да нет! Она, скотина, просто разыгрывает его! Удар двумя руками в грудь! Ещё удар!

— Егор!!! Не нада!!! Мы «Скорую» вызвали!!! — кто это? Похоже, Светка? Какую, на хрен «Скорую»? Сдохла моя любимая Люська!

— Уаааа! — что я могу в ответ сказать? Я любил её! Люська! Получи, скотина! Как ты могла меня бросить?! Удар кулаками! — Уууу-аааа!

Как я хочу выпить!!!

Вера выбежала с балкона.

— Мама, он убьёт её!!! Мне нужно вниз...

Мать молча вскочила и встала у неё на пути.

Взгляд спокоен, строг.

— Никуда не пойдёшь! Я сказала сядь! — с расстановкой спокойно сказала она.

— Ты не понимаешь! Там девушка, похоже, упала с балкона. Видно, у Светки этой опять бухали, пойду, спущусь, он бьёт её и орёт, слышишь?

— Уаааа! — снизу орало животное.

Мать расставила руки. Не пускала. Потом крепко обняла дочь. Молчала. Гладила по голове. Вера всхлипывала и робко пыталась вырваться.

— Успокоилась? — мать смотрела в глаза Веры.

— Ну, мам...

Раздался крик, рев, ругательства мужика под окнами. Глаза Веры округлились, оттолкнув мать, она рванулась к двери.

Выбегая из подъезда, она просто крикнула ему:

— Эй, ты! Эй! Дурак! Не бей её!!! — смотрела на него, леденя. Страх. Ужас от совершаемого. Зачем она здесь? Чем она может помочь этой

Люське? Поднявшийся с земли мужик был огромен. Он не спеша поднялся. Голова опущена, смотрит в землю. Длинные волосы свисают вниз и болтаются где-то на груди. Одет в спортивные треники и огромную майку. На ногах вельветовые тапочки. Пошатываясь, сделал несколько шагов к ней. И поднял на неё мутные глаза. Глаза, как у рыбы. Мутные глаза. Они ничего не выражали. Ни слова не говоря, размахнувшись, ударил её кулаком прямо в нос. Брызнула кровь. Сразу. Она ещё даже не оторвалась от земли, а уже задохнулась от крови. Упав спиной на острые колья палисадного заборчика, она замолчала.

Мужик двинулся на неё. И тут Люська застонала.

* * *

Анна Сергеевна, выбежавшая босиком вслед за дочерью, увидела, что мужик склонился над своей Люськой и лупит её по щекам. Вера лежала спиной на заборе и хрипела. Из всех окон дома выглядывали мужчины и женщины. На улице было пусто и безлюдно. Узкий проулок осветился фарами. «Скорая». Остановилась. Мужик поднял голову. Молча. Смотрел на машину. Из машины вышли парни. Санитары были здоровыми мощными ребятами. Мужик молча поднялся.

— Мужчина отойдите, нам нужно осмотреть девушку, — сказавший это врач моментально получил сильнейший удар, сваливший его с ног.

— Уаааар! ААА! — заорал мужик и бросился на второго санитаря.

Битва длилась минут пять. И силы двоих врачей против одного мужика были равны. Но тут из подъездов начали выбегать мужики. Кто-то из них был с битой. Ударом сзади свалили.

Люська оказалась ещё живой. Погрузившие её санитары занялись Верой. Осторожно сняв её с забора, проколовшего её спину в трёх местах, положили на землю. Анна Сергеевна плохо понимала, как приехала вторая «Скорая». Как приехала полиция. Как засовывали огромного связанного рычащего мужика к себе в УАЗик.

Держа еле тёплую Верину руку, она беззвучно плакала. Слезы стекали по щекам, мешая видеть бледное лицо дочери.

— Да всё нормально будет, вы даже не переживайте, — обернулся водитель, сверкнув золотым зубом, — врачи у нас хорошие, на ноги быстро поставят. Скоро ваша дочка не то, что ходить — бегать начнёт. Правда, Вер?

Анна Сергеевна взглянула на девушку, делающую дочери инъекцию. Врача тоже звали Верой. Она молчала. Она делала свою работу и никого не слышала.

Капитан

*Памяти крушения
лайнера «Адмирал
Нахимов» и сухогруза
«Пётр Васёв»
посвящается*

Крушение

Саша с женой провожали сына в школу. Сегодня первый раз за все годы они не пошли с ним. Было 1 сентября. Сын стеснялся. Вырос. Сказал, что им там нечего делать, ему уже тринадцать. Взрослый. Сын надел синюю форму, белую рубашку, пионерский галстук, сидел, ел бутерброд. Жевал молча. По радио шла «Пионерская зорька».

— Яша, тебе пора, опоздаешь... Может, всё же мы с папой сходим? Праздник же? — Мира спросила с надеждой.

— Да ладно, мам, успею. Ну, говорю же, не нужно! Я у ребят узнавал — все одни придут, без предков. Не обижайтесь. Встал, поправив костюм, чмокнул мать в щёку.

Саша невысокого роста, начинает сесть. Красив. Импозантен. Молча вышел, достал цветы

из банки, стоящей в комнате. Вытер тряпкой намокшие концы и протянул Яше.

— Ё! Ну, на фига? Пап, ну что я, как дурак, пойду с этим веником! Не маленький ведь уже, — сын нехотя взял цветы.

— Нет, Яков, ты с цветами пойдёшь. Кстати, взрослые тоже цветы дарят друг другу и не стесняются этого. Ну, давай, удачи, сынок, — Саша пожал руку сына.

Хлопнула входная дверь, Яшка ушёл. Они с женой стояли, смотря на дверь, каждый думал о своём. Оба отпросились с работы на полдня. А сын вот их с собой не взял. Посольский вздохнул, повернувшись, пошёл на кухню.

— Мирочка, чай тебе делать? — ставя чайник на плиту, спросил Саша.

— Да, дорогой, — откуда-то из комнаты крикнула жена.

«Внимание: экстренное сообщение!» — сообщили по радио. Александр напрягся. Такие слова он давным-давно уже не слышал ни по радио, ни по телевизору. Жизнь протекала мирно, ровно и спокойно. От пленума КПСС к пленуму, от пятилетки к пятилетке.

« Вчера, 31 августа 1986 года, при выходе из Новороссийской бухты пароход «Адмирал Хазимов» столкнулся с балкером «Пётр Басчёв» и затонул через 7–8 минут. Место катастрофы:

Цемесская бухта, в 7 милях от порта Новороссийск, в 2,2 милях от ближайшего берега (мыс Дооб). Время крушения: 23:12–23:20. Сведений о жертвах нет», — сказали по радио. Всё!

— Ох..., — Саша сел, как подкошенный, на табуретку.

— Что случилось, Саш? — Мира крикнула из комнаты.

Сил крикнуть не было. Посольский открывал и закрывал рот. Губы пересохли. Не хватало воздуха. Валерка! С ним несчастье!

— Саш!? — Мира зашла на кухню.

Красива. Чёрные, как смоль, волосы. Чёлка спадала почти на глаза. Огромные глаза, ровный нос. Губы. Как же Саша любил эту женщину.

— Валерка! — лишь выдавил Саша — Мира, с Валеркой несчастье.

* * *

На начало войны в Одессе было гетто в районе Слободки. Саше было в то время два годика, его сестре Адине — десять лет. В городе хозяйничали румыны. В 1942-м гетто решили перевезти в Домонёвский и Берёзовский районы, сделав там концлагеря. Двигалась огромная колонна. Румыны были бедны и продажны. Мать, сунув золотую брошь охраннику, глядя ему в глаза,

толкнула Адину, которая держала на руках Сашу, в сугроб.

— Лежи! Притворись мёртвой! Сашу береги! — крикнула, уходя. Уходя навсегда. Уходя из жизни.

Колонна прошла. Им повезло. Румыны сэкономили патроны и не сделали контрольных выстрелов, как это делали немцы. А колоть штыком, видно, поленились. Хотя возможно и знали, что они живы — круговая порука, ведь понятно, что не за бесплатно. Потом стало известно, что в одном только лагере в Домонёвке румыны расстреляли около девятнадцати тысяч евреев. Расстреляли в противотанковом рву. Этот ров рыла вместе с другими их мама для обороны города. Вырытый ров оказался её же могилой. Братской могилой тысяч человек. Фашисты тогда так и не взяли Одессу. Вошли в город только после того, как советское командование отдало приказ оставить город. Войска уходили в спешке, в основном на кораблях черноморского флота.

Саша с Адиной перебивались какое-то время у гражданских. Недели через две остановились в детском доме. Их приютили, хотя узнай кто, что они евреи, румыны могли просто сжечь весь дом живьём. Эти фашисты практиковали сжигание людей в помещениях. С патронами у них была напряжёнка. А так — экономно, практично.

Лишь в 44-м Адина смогла передать родственникам, где они находятся. Одессу освободили. Сашу забрала к себе тётя Гита, Адину взяла другая сестра матери. Саша поселился на улице Чечерина, где до войны жила Гита. В квартире тёти Гиты уже жил дворник. Съезжать из огромной четырёхкомнатной квартиры он с семьёй отказался. Ему с дочкой и женой было удобно и так. Им пришлось занять пустующую убогую двухкомнатную квартиру на первом этаже. Одна комната была даже без окна. Жили они там всемером. Саша до сих пор не мог ходить. Был лысый, весь в язвах и страдал рахитом. Его мазали какими-то мазями и раз в день выносили, укутанного в одеяло, на улицу. Рядом гуляли, бегали сверстники, он лишь тоскливо смотрел на них. Не разговаривал. Не умел. Единственная фраза, которую он мог произнести, была «У мэнэ есть сестра». Позже научился называть маму и папу, и братьев — сестёр по именам.

Но уже в 7 лет Саша пошёл в школу на улице Льва Толстого. Школа была мужская. Там-то Саша и познакомился с Валеркой Токаревым. Саша был слабым, худым мальчиком. Валерка был на год старше, крепок и коренаст. Глаза задорные, умные. Разница в возрасте в классе была большая — были переростки. Переростков они называли бандюгами. Эти бандюги отбирали у них завтраки. Всё

решалось в кулачном бою. Тимченко. До сих пор Саша помнил этого бандюгу. Он наводил страх. Был старше года на четыре. Держа руки в карманах, сплёвывал через выбитый зуб. Говорил растяжно, по-блатному. Третий день подряд, начиная с первого дня, Тимченко отбирал у Саши завтраки. Саша хлопал глазами, невероятными усилиями заставляя себя не разреветься.

— Слышь, ты! Отдай пацану завтрак, — Валерка вышел из-за спин других.

Валерка Токарев жил с ним в одном дворе, но они почти не общались.

— Чё? Ты чё, пацан? Жизнь не мила? — Тимченко сплюнул на пол.

Начался бой. Тимченко ударил первым. Ударил с двух рук по ушам Валерки. Тимченко был сильнее. Валерка проигрывал долго. Уже были фингалы, разбиты губы, уже пропустил пять мощных ударов. Но Токарев не сдавался. Он всё стоял на ногах. И когда уже казалось, что вот-вот более сильный и здоровый Тимченко победит, Валерка что есть силы, с криком, мощным апперкотом в подбородок свалил противника. Это была победа!

С тех пор они были лучшими друзьями — Валерка Токарев и Сашка Посольский.